

Дали Дали...

Сначала показался только носок, свешивающийся из-за незримой двери тенью над пустыней. Носок явно был довольно сильно заношенный и покрыт тёмно-серыми полосками на светло-сером фоне. Было заметно, что хозяину носка он велик, как минимум, размера на три.

Нависающий треугольник парящего в воздухе лаза в подпространство затягивал воздух горячей и пересушенной местности, скопившийся под давлением нескольких кустов “перекати-поле”. Ландшафт, пропахший ящерицами, солями и вялеными кактусами, манил своим качеством неопределённости. Человек напоминал усатого таракана и столь же активно ощупывал и обнюхивал местность тончайшими тянущимися прямо из головы кольчатými шлангами, заканчивающимися скребущимися остриями ворсяных коготков. Он всегда входил в удел внутренних забот, во Внутренние Дали, чтобы отыскать поток для своих следующих работ.

На этот раз ему немало повезло - на окраине пустыни только что пролился бензиновый дождь и уже начали прорастать многоэтажки, обтянутые звонкой шкурой мамонта. В промежутках между разрывами кожи он оглядывался, но лишь затем только, чтобы снова нырнуть в голову в подвалы открывающихся снов. Каждая из кружащихся мух на длинных и цепких тонких лапах несла весть мира, а фонарик фасеточных глаз неоднократно казался переписанным указом сверху и донизу. На море потрескавшихся ящиков несложно было найти, но затеряться - гораздо затруднительнее, поэтому море ящиков можно было использовать лишь для поиска пропавших вещей, но отнюдь не для сокрытия глубинных тайн под покровом маленьких усиков и вытянутых задниц.

Повращав глобусами глаз, Дали развернул щупы, сделав двойное обратное сальто в воздухе. Пора было возвращаться, пустыня не могла его слишком уж долго выносить без того, чтобы не слиться с ним навсегда. Было бы странным остаться здесь на века вечные. Самое главное, что никто не предполагал, кроме отражателя долины песка и мух, что он - ещё какое насекомое, что становилось очевидно от его особой пошатывающейся походки, столь невозможной для воспроизведения, только если у вас ноги не выгнуты коленками назад. Страх усиливался. Быть подобным саранче и испытывать фобию по

поводу саранчи - что же ещё может быть милее? Возможно хмель снов, где несложно было укрываться любой мировой стихией, превознося её свойства в адаптированные варианты кажущихся лиц? Ответа не было, долина скрежетала ветром и шелестела индустриальными трубами милитаризированных заводов, производящих идеи в промышленном масштабе.

Идеи - средство войны. Идеи - средство революции. Революции сознания. И кому ещё это было бы столь известно, когда за шиворот сыпется пыльца выработанного времени, а впереди простираются тончайшие плёночки ещё несвершённого, в котором мачете ядерных бомб приоткрывает паутинчатые завесы тайн в этих плёночках. Тогда насквозь начинают проступать вещи, казавшиеся ранее совершенно иными, чем те, в чьи формы они сумели обрести очертания начертаний.

Во Внутренние Дали никто не имеет права вторгаться или стучать. Никто! Никогда! Но этот случай особенный - в качестве крайней меры всегда существовали сторонние пути, позволявшие обогнуть ретины проекций, вернувшись сразу в замок из дождливых лесов доисторических хранителей времени, обретших очертания дышащей коры, равно как и превозмогая тягу быть насекомым в пустыне.

В дверь опять постучали, да так настойчиво, что нужно было приложить усилия, чтобы рассечь упругое мясо свистящих воздушных масс. Раздался треск разрываемой ткани и хлопанье толстого слоя силиконового пластика, взрываемого ошметками ветоши, в которой угадывались черты некогда полезных достижений и состояний.

Когда Дали вернулся всё-таки в залу, то оказалось, что одежда вся осталась по ту сторону. Зато её вполне можно было бы заменить метлой - пожалуй, лучше идеи и не сыскать. Это был настоящий возврат к чистой человеческой первозданности, которой не нужно было стыдиться. Как раз наоборот! Нужно было превозмогать в себе глупость цивилизованности и агитировать на каждом углу непротиворечивость, ясность и элементарность фиговых листьев. Растение, дающее человеку возможность встать на тропу осознания собственной человечности! И если не каждый может себе позволить срывать ежедневно по листку смоковницы где-нибудь под окном, то уж метла-то точно способна заменить даже самое смелое обмундирование.

Оставалось совсем чуть-чуть, чтобы войти в полное соответствие образа с самим собой. Не хватало патефонной записи лошадиного смеха. “Смех! Смех кобылиный всем! Срочно! С-р-о-ч-н-о!” - провозгласил Дали, и показалось даже, что придворная прислуга уже где-то на горизонте возле дальней колонны расшибает лоб, сверкая

пятками, подобными аромату фиалок. Раздался нужный смех, но штрихи ещё не были завершены. Не было изюминки. Изюминка - она во взгляде, в образе, да всё в тех же кружащихся стаях, только не в звуковых отражениях. Вдруг пришедший гость глухой и не способен оценить всё величие его патефонного замысла? Что ж! На этот случай в комнате были заготовлены губы дивана, и оставалось только надеяться, что гость ещё и не слепой. Иначе его наощупь придётся прогнать метлой, чтобы не отравлял персоной грацию замка, которому вовсе даже не было дело до того, чтобы кто-то стремился бы воспринять внешнюю атмосферу. Зато вот невосприятием вполне могла быть возмущена его истинная оболочка, его внутренняя сторона, делавшая Дали саранчой, и возмущённая невозможностью отразиться хотя бы в одном среди всех этих тысяч и миллионов лиц, которых здесь никогда не было и не будет.

На ноги пришлось в спешном порядке нацепить делавшие тело похожим на длинношеею гусыню ангельские крылья. Так пускай же Гермес летает себе потихоньку на своих маленьких крылатых тапочках, а у Дали - крылища, и чем больше, тем лучше, в особенности тогда, когда они оказываются способными заменить ему лапы или даже пятки. Те самые, что укутаны в кокон серо-полосатых носков, на порядок превышающих требуемый размер любой ноги. Всегда на три размера больше любой ноги - такова уж природа и умение этих носков. Не мешало и надеть зеркало на лоб. Кто знает, что это на самом деле - мифическая приманка и защита от Медузы Горгоны. Пускай уж все лучше думают, что владелец замка - лор.

Вошедший человек отвесил низкий поклон, когда поджидавший его под креслом голый Дали выскочил под лошадиное пение патефона и, по-ковбойски оседлав метлу, проскакал на ней шесть кругов против часовой стрелки и девять - уже по часовой, лишь зеркало легка покачивалось под шорканье крыльев-ласт, а усы стали чуть более походить на тараканьи, чем обычно.

Дворецкий ходил следом и посыпал следы Дали, поверх вылетающих перьев, орхидеями, тыквами и пучками волос, в которых угадывалась скорее шерсть и дикость, чем причёска и цивилизация. Посетитель вжался в стенку, когда Дали вывернул резким щипком карман на рубашке посетителя и чуть не поставил на руке синяк. “Вышь подери тебя! Откуда ты исчез?” - Дали обратился к гостю громким возгласом. “Моё почтение!” - гость ещё раз низко поклонился, но это не помогло. “Почтение - моё проклятие, как и всех прославленных гениев! К чёрту почтение, когда ты уже не тот. Ты вошёл сюда в ожидании чуда

- и вот оно уже произошло. Но ты ведь не ожидал на самом деле, что чудо произойдёт! Поэтому ты так шокирован. Всегда, помни, всегда люди хотят не того, чего хотят и ожидают совсем не то же самое, что ожидают на самом деле! Ещё раз - к чёрту почтение! Кому почитать, когда ко мне пришёл один человек, а вижу я перед собой совершенно другого?" - с этими словами Дали ещё раз схватил гостя за рукав и на этот раз уж постарался ущипнуть его с такой силой, чтобы эта встреча гостю надолго запомнилась.

Букально в ту же секунду на них обоих посмотрела маска зазывания своим совершенно неминуемым взором, не оставлявшим даже надежды на возможность сопротивления. Маска каждый раз призывала Дали, чтобы он входил в свои Внутренние Дали. Это было бы слишком похоже на небольшую прогулку на саночках, если бы не сопровождалось львиным рычанием в смеси со звуком смываемого унитаза.

Вокруг неожиданно засинело пространство, больше напоминавшее скорее уж убранство. Можно было смотреть вдаль, на линию горизонта, и тогда он казался невыразимой эйфорической ностальгией, подёрнутой синеватой дымкой, откуда приходят всё такие же вечные и неизменные двойники идей, но стоило лишь на мгновение скосить глаза, и оказывалось, что горизонт от носа не далее, как в двадцати сантиметрах.

По склизким стенкам внутренней поверхности стекали оранжевые пышащие жаром потоки, выплёскиваясь куда-то за пределы стенок наружу, а вот что там - было непонятно. Стоило прикоснуться к поверхности, как становилось ясным и всецело разумным вулканическое происхождение и стенок и стекающей субстанции. Дело в том, что отпечатки рук были оставлены именно на лаве, а не на какой-то иной поверхности. Если бы они были оставлены на чём-то ином - тогда совсем другое дело. Но нет, они были оставлены на лаве, которой совсем не хотелось извергаться на ту сторону.

Где-то далеко внизу, возле линии горизонта, кувыркалися в безвоздушном пространстве совсем уменьшившийся в размерах гость-посетитель. Внутренние Дали не пощадили его, отчего пришедший стал больше походить на пришельца. Едва пошарив утончёнными ладонями скрипучих пальцев под магматическим тестом, Дали нащупал странные рычажки, за которые было так любопытно давить. Материковые плиты при этом смещались и начинались многочисленные катаклизмы, незримые изнутри планеты.

“Хватит беспорядка, когда же уже начнётся балаган!” - с этими

словами Дали схватил улетающего к линии горизонта гостя и положил его под язык.

Посетитель был изрядно помят, а оттого напоминал мятный леденец и приятно охлаждал, так что сразу заходило заново родиться. Очень вытянутые измождённо-синеватые туши человечков шествовали караваном, стоило лишь остановить их или остановиться самому - и они готовы были осыпать дарами любого, лишь бы все шли. Это определённо было что-то новенькое! Дали за этим ли сюда пришёл. Или не за этим? Знал бы, если бы человек-леденец не помешал ему не помешаться окончательно.

Дали давненько уже подозревал, что он - единственный рыцарь реальности, несущий действительность в себе, как курица, несущая в себе планеты. Но о возникшей проблеме он едва лишь догадывался - чем дальше он следовал по стопам планетарной несущки, тем он становился точнее и восприимчивее, тогда как все вокруг, включая саму реальность, начинали сходить с ума. В конечном итоге, ждать больше было нельзя - земная кора треснула, и обширная рука Дали накрыла где-то континенты.

Свет померк, в в небе появилась гигантская рука, накрывшая Дали. В этот самый момент, у него изо рта вылетел комар леденцового посетителя и пропищал: “Ты - внутри и снаружи. Ты - маленький здесь и исполинский там, где наша Земля - всё одно для тебя здешнего, как то синее пространство, откуда ты только что вылупился и вылупил меня поэтому”. Надо было предположить, что его предшественника - исполина - где-то накрыла уже поистине галактическая рука, узоры которой можно было бы спутать с частотными биениями планетарных гор.

Дали воспарил на перьях своих ласт и направился в манящую своей ненадёжной ветхостью линию горизонта, откуда показались громады паучьих слонов и водопады мятых тряпок. Нужно было решать очередную дилемму. Ах, если б небо падалось. Если бы небо только поддалось - тогда бы такое небо можно было бы вывернуть наизнанку, и открылись бы миры, живущие внутри каждого создания, внутри каждого сознания, тогда как оболочки оказались бы втиснуты в земные тиски облегающих их коры. И механическая часть нашла бы своё отражение в этих многочисленных складках парусов, составляющих тучи, переходящие в целый эшелон морской эскадры, тогда как истинная тягучесть многообразных форм больше не была бы ограничена грубой материей чуждой Реальности.

Нет, нужно было продвигаться дальше, пока представший пейзаж не

обретёт угол наклона, высвечивающий в своём естестве человеческие черты, как вагоны поездов высвечивают порой хмурые жестяные морды, недовольные своим пассажирским наполнением. И кто знает...

В этот момент опять раздался стук, оторвавший уши у мёртвого осла. Дали ринулся сломя голову к выходу - а уши за ним. В своей тщете избавиться от ушей, Дали засунул гостя в ухо - быть может они убедились бы, что потребность в ушах отпала сама собой. “Теперь ты - наушный советник, будь добр, пожалуйста”, - дельно посоветовал Дали посетителю.

Посетитель продолжал приближаться к синему горизонту планетарного яйца, отчего ежесекундно терял в размерах, кажется, ещё немного - и его существование можно было бы поддерживать только тремя такими посетителями, подобно кваркам, не существующим нигде поодиночке. “Да это я к тебе пришел из мира, где руки-горы”, - сказал советник прямо в ухо. Точнее - не сказал. Точнее - пропищал вообще-то.

Дали выскочил в одних тапочках. Вошедший человек совсем не походил на того, что сидел в ухе и пищал. Вошедший человек был строг и даже казался бы чопорным и галантным, если бы не его мысли, сдававшие все его потроха вненему миру.

“Не находишь ли странным, что наш внешний мир - это твой внутренний?” - спросил “строгий” человек. “Здравствуй, здравствуй, Зигмунд! Никогда не был бы рад, если бы тебя не видел”, - проворковал Дали, шевеля усами. “У меня как раз к твоему приходу мелко порублен салат из огурцов. Располагайся. Чувствуй себя как дома,” - и с этими словами Дали подумал, что неплохо бы ещё разок нырнуть и уйти в заплыв. Но вспомнил, что где-то потерял шапочку для купания в измерениях, пожалел и решил отложить до лучших времён, неотвратимо и безостановочно утекающих . До времён ли?

*Белоусов Роман,
10 августа 2014 года.*